

Отъезд императорского уполномоченного — дело всегда хлопотное, а тут еще предстояло везти огромные средства и провизию для помощи пострадавшим от наводнения. К тому же император торопил, так что подготовка шла в бешеном темпе.

Сложнее всего пришлось Министерству доходов. Обычно медлительный и вальяжный в общении с подчиненными министр преобразился: несмотря на преклонный возраст, он отдавал распоряжения с поразительной прытью, и работа в ведомстве буквально закипела.

Благодаря конфискации имущества клана Ли государственная казна ломилась от золота и серебра. Министерство доходов наконец вздохнуло свободно: мало того что они выплатили все долги по жалованью войскам за прошлые годы, так еще и без лишних жалоб выделили два миллиона лянов серебра на ликвидацию последствий наводнения в Цзяннани.

Работая не за страх, а за совесть, чиновники превзошли сами себя. Всего через пять дней два миллиона лянов чистейшего серебра были подготовлены к отправке.

Император сменил гнев на милость и, оставшись доволен такой расторопностью, вызвал к себе Хан Сизня и Цзи Ло, приказав им отправиться в ведомство для личной проверки казны.

Процедура эта требовала предельной точности: следовало проверить не только количество монет, но и подлинность самого металла. Как только проверяющие подтверждали, что все сходится, сундуки опечатывали и переносили в особое хранилище, где императорская гвардия стерегла их день и ночь.

С того момента, как опечатанная казна покидала стены министерства, ведомство снимало с себя всякую ответственность за любые последующие происшествия.

Правило это ввели неспроста. Еще при прошлой династии случился громкий скандал, когда отправленное на границу жалованье для войска оказалось фальшивым, да еще и в меньшем объеме. Тогда министерство и сопровождавшие груз военные долго перекладывали вину друг на друга.

Чиновники утверждали, что охрана подменила сундуки в пути, ведь в казначействе фальшивок отродясь не водилось, да и недостатч никогда не бывало.

Сопровождающие же оправдывались тем, что при приемке не пересчитали монеты, и обвиняли казначеев в казнокрадстве и умышленном подлоге.

Тогдашний император повелел провести строжайшее расследование. Следствие тянулось несколько месяцев, и в итоге выяснилось, что серебро действительно подменили в дороге, причем ниточки заговора вели к одному из принцев.

Владыка пришел в ярость. Всех, кто был причастен к тому делу, обезглавили. И хотя

чиновники министерства разумели доказать свою невиновность, большинство из них все равно лишились должностей. Самого же принца до конца его дней заперли в темнице.

С тех пор этот порядок выдачи казенных средств закрепился намертво.

Пересчитывать столь внушительную сумму было занятием невероятно монотонным и скучным. Однако Цзи Ло, впервые удостоившийся столь важного императорского поручения, подошел к делу со всей серьезностью — и министр доходов это прекрасно видел.

Старик полагал, что взбалмошный и вспыльчивый Хан Сиэнь точно не станет утруждать себя кропотливой проверкой и быстро бросит это дело.

К его удивлению, Наследник проявил не меньшее рвение. Он лично помечал проверенные им сундуки, а на те, что осматривали помощники, наносил особые клейма и скрупулезно заносил в реестр имена ответственных лиц.

Видя такую дотошность, министр невольно проникся к юноше толикой уважения.

За долгие годы службы на посту министра он навидался знатных вельмож, приезжавших за казенными деньгами. Большинство из них лишь строили из себя господ, высокомерно покрикивая на служащих, и почти никто не опускался до того, чтобы лично копаться в сундуках, не говоря уже о ведении учета.

«Какое счастье, — подумал министр, — что за время моего руководства с казной не случилось накладок. Иначе полетело бы немало высокопоставленных голов»

Спустя три дня, завершив проверку и опечатав сундуки, Хан Сиэнь, Цзи Ло и министр доходов отправились во дворец с докладом. Император остался доволен их расторопностью.

Министр, поглаживая седую бороду, принялся расхваливать юношей перед государем, на что Хан Сиэнь равнодушно бросил:

— Мы лишь исполнили свой долг. Не стоит ваших похвал, господин министр.

От такой резкости старый чиновник густо покраснел, а едва зародившееся расположение к Наследнику мгновенно испарилось. Стоявший рядом Цзи Ло лишь мысленно вздохнул: его кузен никогда не умел льстить и щадить чужое самолюбие. За две жизни он ни капли не изменился.

Глядя на то, как опешивший министр беззвучно шевелит губами и топорщит усы, император даже повеселел, и его мрачное настроение последних дней немного рассеялось.

Тем не менее государь строго зыркнул на Хан Сиэня и лишь затем заговорил:

— Императорский указ обнародован, лекари собраны. Астрономы из Бюро астрономии уже вычислили благоприятный час. Вы выдвигаетесь через два дня.

Хан Сиэнь и Цзи Ло поклонились, принимая повеление. Император пристально посмотрел на Хан Сиэня, словно хотел добавить что-то еще, но в последний момент передумал и просто жестом велел всем троим удалиться.

Известие о скором отъезде Хан Сиэня на юг не на шутку встревожило обитателей Дворика Душистых Орхидей. Миссия по спасению пострадавших от наводнения — дело сугубо государственное, а не увеселительная поездка. Тащить с собой ораву служанок было нельзя, чтобы не навлечь на молодого господина лишние толки.

Служанки во главе с Би Хуа пребывали в растерянности. Хотя их вольные грамоты и долговые расписки хранились лично у Хан Сиэня, формально они все еще числились челядью дома Хань.

Отношения господина с семьей были хуже некуда. Пока он находился в поместье, никто не смел обижать его людей, опасаясь скорой расправы. Но стоило ему уехать надолго, как оставшиеся служанки могли стать легкой мишенью.

Время стирает страх, а затаенная злоба домочадцев только и ждала подходящего момента. Рано или поздно кто-нибудь из недоброжелателей непременно отыгрался бы на беззащитных девушках.

В конце концов, случись со служанкой несчастье, вряд ли вернувшийся барин стал бы затевать семейную войну ради ничтожной рабыни.

Изводя себя мрачными мыслями, Би Хуа и остальные все же не смели донимать расспросами господина.

Однако Хан Сиэнь разрешил их сомнения разом. Он объявил, что берет с собой трех своих постоянных служанок — Би Хуа, Юнь Чжи и Ло Ся. В усадьбе оставалась лишь Чэнь Сян.

И на то у него имелись веские причины. Не так давно к Чэнь Сян подослали доверенных людей, настойчиво предлагавших ей стать лазутчицей и доносить обо всем, что происходит во Дворике Душистых Орхидей.

Девушка для вида согласилась, но сразу предупредила заговорщиков, что Наследник к ней холоден и важных тайн она вывести не сможет.

С тех пор Чэнь Сян безропотно трудилась, держа язык за зубами и ни словом не выдавая планов своего господина.

Оставив ее теперь в столице, Хан Сиэнь лишь подтвердил для внешних наблюдателей слухи о ее немилости. Что же касается мужской прислуги, то из всех слуг Наследник взял с собой одного лишь Ань Цао.

Узнав, что сын отправляется в пострадавшую от бедствия провинцию в окружении смазливых девиц, герцог Хан Чжо пришел в неопишемую ярость. Как бы они ни враждовали внутри семьи, для всего мира они оставались единым кланом Хань. Любое пятно на репутации сына неизбежно ложилось тенью на все герцогское поместье.

Хан Сиэнь лишь отмахнулся от родительского гнева. Его короткое: «Сам император не возражает, так чего ради вы кипятитесь?» — заставило герцога едва ли не задохнуться от бессильной злобы.

До ушей всезнающего императора эти кухонные дразги, разумеется, долетели без труда. Однако к причудам своего любимчика он отнесся снисходительно: лишь усмехнулся и не стал вмешиваться.

Спустя два дня самый молодой в истории династии императорский уполномоченный Хан Сиэнь и третий принц Цзи Ло покинули столицу. Вместе с ними в путь отправился и Цзи Юэ, наследник князя Юна.

Сам уездный князь Юн едва не бросился во дворец умолять государя пощадить его единственное чадо, но супруга вовремя удержала непутевого мужа от этого позорного шага.

Для охраны колоссальной суммы серебра выделили внушительный конвой: пять тысяч гвардейцев. Вместе с лекарями, писарями, многочисленными слугами и обозом общая численность экспедиции перевалила за несколько тысяч человек.

Перед самым отбытием император вручил Хан Сиэню легендарный меч Шанфан и приставил к нему еще две тысячи личных гвардейцев.

Хан Сиэнь принял грозное оружие с таким невозмутимым видом, словно получал обычную безделушку, отчего у столичных чиновников от зависти позеленели глаза.

Меч Шанфан даровал право карать смертью любого — от высокопоставленного чиновника до члена императорской фамилии — без предварительного одобрения трона. Этот символ абсолютной воли Сына Неба теперь безраздельно принадлежал юноше.

Некоторые советники порывались предостеречь государя, напоминая о буйном нраве и непредсказуемости молодого маркиза, но, взглянув на угрюмое лицо монарха, поспешили прикусить языки, дабы не навлечь на себя монарший гнев.

Не смея роптать на императора, придворные принялись изливать желчь на несчастного Хан Чжо. Его ядовито донимали поздравлениями с тем, какого выдающегося сына он вырастил, как ловко тот втерся в доверие к владыке, и с фальшивым восхищением выпытывали секреты воспитания столь блестящего наследника.

Осаждаемый со всех сторон Хан Чжо, вынужденный наблюдать за триумфом собственного сына, чувствовал себя так, словно его заставили проглотить живую жабу. С души воротило.

Совершив прощальные поклоны, Хан Сиэнь, Цзи Ло и Цзи Юэ во главе огромного каравана двинулись на юг. Отряд лекарей возглавил старый знакомый маркиза — лекарь Чжоу, а командование сопровождавшей их гвардией поручили Гао Фэну.

Цзи Ло и Цзи Юэ ехали верхом, взяв с собой лишь по одному оруженосцу. Хан Сиэнь же, верный своим привычкам, предпочел устроиться в просторном крытом паланкине.

Провожая экспедицию взглядом с высоты городских ворот, император еще долго видел колыхающийся вдали паланкин с флагами уполномоченного. В глубине души государь отчаянно жалел, что не может лично пересадить этого неженку на лихого скакуна и погнать плетью до самой Цзяннани.

Мечты мечтами, но государь все же установил для Хан Сиэня жесткие сроки прибытия. Никто в столице толком не знал, какие ужасы творятся сейчас в затопленных землях. Медлить было нельзя: каждая минута промедления стоила человеческих жизней.

Пока Наследник покачивался на мягких подушках, его личные служанки, которых в столице иные мелкие чиновники зазря не смели беспокоить, терпели тяготы пути. Они ехали в тесной повозке вместе с кухонной утварью, а на привалах безропотно помогали кашеварам чистить овощи и готовить еду на многотысячное войско.

Девушки прекрасно понимали всю серьезность похода и не смели капризничать. Сменив изысканные наряды на простые холщовые платья, они вели себя тихо и скромно, боясь доставить своему господину хоть малейшие неприятности.

Во время первой же ночевки в поле, едва войско миновало столичный округ, перед палаточным шатром Цзи Ло внезапно возник Бай Шу.

Оказалось, парень тайно крался за армией от самых стен столицы. В руках он сжимал записку от своего старшего брата. Смысл послания сводился к одному: младший горит желанием повидать юг и вполне способен за себя постоять, так что не нужно гнать его или принимать за лазутчика.

Цзи Ло с недоумением перечитал неровные строки и, покачав головой, отвел незваного гостя к Хан Сиэню.

Бай Шу понуро опустил голову под пронзительным взглядом маркиза и тихо пролепетал:

— Я просто хотел своими глазами повидать южные земли.

Хан Сиэнь, зная недюжинную силу и упрямый характер юноши, рассудил, что прогонять его бесполезно — все равно увяжется следом. Надежнее держать сорванца на виду, чтобы тот не влип по дороге в какую-нибудь историю.

Услышав долгожданное разрешение остаться, Бай Шу просиял от радости.

Несмотря на кажущуюся неспешность — паланкин, угодливых служанок и тяжелый обоз с провиантом и серебром, — Хан Сиэнь безжалостно гнал войско вперед. На привалах он не давал солдатам засиживаться.

Бешеный темп изнурительного перехода привел к тому, что под конец пути Хан Сиэнь возненавидел паланкины до конца своих дней.

Заметив бледность и изнеможение маркиза, Бай Шу решил выслужиться:

— Молодой господин, хотите, я усажу вас на своего коня и мы поедем вместе?

Хан Сиэнь оглядел свою хрупкую фигуру, мысленно представил, как нелепо они будут смотреться вдвоем на одной лошади — учитывая, что коренастый Бай Шу был чуть ниже его ростом, — и брезгливо отказался, предпочтя пересесть в обычную дорожную повозку.

Впрочем, езда в тряской карете по разбитым дорогам оказалась ничуть не лучше: к вечеру у Наследника ныл каждый сустав.

К счастью, путь обошелся без происшествий. Местные власти, заранее предупрежденные императорским указом о прохождении важного груза, всячески содействовали продвижению конвоя.

Хан Сиэнь, однако, не любил обременять чиновников своим присутствием. Солдаты разбивали лагерь прямо в поле, и лишь в проливные дожди укрывались на казенных почтовых станциях. До тех пор пока они не достигли границ провинции Цзяннань, экспедиция не зашла ни в один крупный город.

Местные градоначальники, наслышанные от столичной родни о вздорном и жестоком нраве молодого наследника, заранее трепетали в ожидании капризов. К их великому удивлению, маркиз вел себя на редкость сдержанно. Многие решили, что бедного юношу попросту оклеветали завистники при дворе, а сам он вовсе не так ужасен, как утверждали слухи.

Дорога на юг оставалась мирной — ни одна шайка разбойников не осмелилась покуситься на охраняемую армией казну. По ночам, пока лагерь спал, неутомимый Бай Шу уходил в глухие чащобы и возвращался с богатой добычей: кабанами, косулями и фазанами.

Разумеется, накормить дичью несколько тысяч голодных ртов было невозможно, но повара крошили мясо в общие котлы с кашей. Жирный, ароматный навар доставался каждому солдату, что заметно поднимало боевой дух отряда.

Но чем ближе они подходили к затопленным землям, тем чаще им преграждали путь толпы оборванных беженцев. Сначала это были редкие одиночки, затем — целые вереницы истощенных людей. При виде императорских знамен несчастные падали на колени и горько рыдали, моля о спасении.

Цзи Ло сдерживал эмоции — в прошлой жизни он насмотрелся на смерть и страдания. А вот молодой княжич Цзи Юэ, никогда прежде не покидавший роскошных столичных кварталов, пришел в ужас. Он впервые видел людей, превратившихся в живые скелеты — они казались даже более хрупкими и истощенными, чем болезненный Хан Сизнь.

То и дело у дороги чернели трупы тех, у кого не хватило сил продолжить путь. По приказу Хан Сизня солдаты, стараясь лишний раз не прикасаться к телам, складывали их на погребальные костры и сжигали, чтобы предотвратить вспышку повальной болезни.

Первым крупным уездом на их пути, пострадавшим от ярости стихии, стал Минъань.

Уезд Минъань лежал в нескольких десятках ли от столицы префектуры и служил главными воротами на пути к Лючжоу, где располагалась резиденция генерал-губернатора Лянцзяна. Окрестности Хуайяня пострадали от наводнения едва ли не сильнее прочих земель.

Местный судья Син Цзюньжань был тем самым смельчаком, который через верных людей сумел передать тайное послание на имя императора. Зная о скором прибытии высокой комиссии, он выставил на тракте дозорных, а сам вместе со всеми уездными чиновниками загодя прибыл к границе уезда, чтобы встретить гостей.

После официального приветствия и положенных земных поклонов Син Цзюньжань повел отряд к уездному центру.

Бедствие отступило совсем недавно, и взору прибывших открылась жуткая картина разорения: смытые дома, поваленные заборы и толстый слой зловонного ила, покрывавший все вокруг.

Цзи Юэ сжимал поводья, глядя на голые, мертвые стволы придорожных деревьев — голодающие люди ободрали с них всю кору и обглодали первые весенние почки. От этого зрелища у юноши сжималось сердце.

У городских ворот Минъяня стоял убогий навес, под которым варили похлебку. К нему тянулась бесконечная очередь истощенных, одетых в лохмотья людей. Их серые лица выражали лишь тупое, безразличное отчаяние — они давно смирились со своей участью и покорно ждали конца.

В стороне от навеса, прямо на сырой земле, копошились живые мертвецы. Эти бедолаги были настолько слабы, что не могли даже стоять в очереди. Судя по прерывистому дыханию, жить им оставалось от силы несколько часов.

Столичные лекари из свиты уполномоченного тут же заволновались. Один из них подбежал к паланкину Хан Сизня, умоляя позволить им немедленно разбить здесь временный госпиталь.

Наследник не возражал и передал руководство лекарю Чжоу, велел тому распределить обязанности среди помощников.

Появление огромного отряда вооруженных гвардейцев сначала испугало толпу. Толпа настороженно притихла, тупо глядя на груженные телеги. Но тут кто-то истошно завопил: «Государь прислал хлеб! Нам везут зерно!» Этот крик вывел людей из оцепенения. Словно обезумев, сотни беженцев рванулись к подводам.

Конные стражники мгновенно сомкнули ряды, преграждая путь обезумевшей толпе древками копий. Судья Син Цзюньжань поспешил вперед, пытаясь успокоить сограждан.

Спрыгнув с коня, Цзи Юэ заглянул в огромный чан, у которого толпились люди. Мутная жижа на дне почти иссякла, а в очереди все еще стояли тысячи голодных. Да и похлебкой это варево назвать было трудно — серая теплая вода, в которой едва ли можно было отыскать пару десятков рисовых зерен.

Из всей столичной знати юный княжич отличался самым мягким сердцем. Выросший в неге и роскоши, он не знал ни в чем отказа. И пусть его ветреный отец вечно доставлял домашним немало хлопот, Цзи Юэ никогда не ложился спать голодным. Увиденное ранило его до глубины души.

Когда его взгляд упал на маленькую чумазую девочку, сидевшую в пыли и усердно грызущую сухой ивовый прутик, он не выдержал. Шагнув к ней, Цзи Юэ вытащил из сумки небольшой черствый ячменный коржик и протянул ребенку.

Дрожащая, черная от грязи детская ручка потянулась к еде, но пальцы не удержали лакомство, и коржик шмякнулся прямо в грязную лужу. Не успел Цзи Юэ охнуть, как девочка молниеносно упала на колени, выхватила хлеб из жижи и принялась жадно запихивать его в рот вместе с налипшей мокрой глиной.

Княжич судорожно глотнул, чувствуя, как к горлу подступает ком, и обернулся к Хан Сиэню, стоявшему у повозки. Это именно по приказу уполномоченного повара всю дорогу пекли эти сухие, горьковатые лепешки из отрубей. Они были невкусными и жесткими, но сейчас такая лепешка для каждого из этих несчастных была дороже золота — она даровала надежду дожить до завтрашнего дня.

Син Цзюньжань украдкой утер слезы широким рукавом халата. Когда он опустил руку, его глаза были влажными и красными. Он повернулся к притихшей толпе и крикнул, сорвав голос:

— Братья! Успокойтесь, умоляю вас! Перед вами — полномочные посланники Сына Неба! Скоро начнется раздача казенного зерна и серебра, никто не останется голодным!

Люди, услышав это, единым порывом опустились на колени прямо в дорожную грязь и навзрыд разрыдались.

Хан Сиэнь приказал сотне гвардейцев остаться у ворот для раздачи ячменных лепешек, а сам во главе основного обоза двинулся дальше, к уездной управе.

Отряд прибыл к уездной управе Минъяня. Следом за ними, словно тени, тянулись те из беженцев, в ком еще теплились остатки сил.

Хан Сиэнь занял судейское кресло в главном зале управы. Медленно окинув взглядом присутствующих, он остановил взор на замершем у порога Син Цзюньжане и холодно произнес:

— Взять его. И бросить в темницу.

Местные стражники испуганно переглянулись, не смея шелохнуться. На площади перед управой, где толпились беженцы, мгновенно воцарилась гробовая тишина.

Син Цзюньжань оцепенел. Цзи Ло недоуменно нахмурился, а Цзи Юэ открыл было рот, чтобы возразить, но под ледяным взглядом кузена тут же осекся. Лишь стоявший у судейского стола Бай Шу остался совершенно спокоен, ладонью накрыв рукоять меча.

Командир столичных гвардейцев Гао Фэн, обязанный беспрекословно подчиняться воле уполномоченного, шагнул вперед и жестко заломил судье руки за спину.

Оказавшись зажатый в тиски железных рук гвардейца, Син Цзюньжань яростно вскинул голову, плюнул в сторону судейского возвышения и во весь голос закричал:

— Паршивый пес! Я знал, что этим все кончится, едва мой доклад уйдет в столицу! Ворон ворону глаз не выклюет! Ты спелся с генерал-губернатором! Вы мало того что разворовали казну в прошлые годы, так теперь и эти крохи хотите прибрать к рукам? Решили уморить голодом весь уезд, чтобы замести следы своих бесчинств?! Но знайте: я не боюсь смерти! Небо все видит! Вам не скрыть свои преступления, правда все равно дойдет до Его Величества!

Страстная речь судьи мгновенно нашла отклик в сердцах столпившихся у ворот людей.

— Опять эти твари столичные! Решили нашего заступника сгубить!

— Наше серебро забрать приехали! Смерти нашей хотят!

В толпе вспыхнул опасный ропот. Измученные, доведенные до крайней черты люди ухватились за эти обвинения как за последнюю соломинку.

С дикими криками толпа хлынула во внутренний двор управы. С горящими, безумными от голода глазами они готовы были голыми руками разорвать незваных гостей на части.

Цзи Юэ, никогда прежде не сталкивавшийся с разъяренным простонародьем, в испуге вжал голову в плечи и спрятался за спину Цзи Ло.

Бай Шу нахмурился. Одним молниеносным движением он выхватил из ножен тяжелый клинок и швырнул его в сторону Син Цзюньжана. Оружие со свистом пролетело в волоске от уха судьи и с глухим стуком вонзилось глубоко в деревянную опору позади него. Рукоять меча еще долго мелко дрожала, издавая зловещий гул.

Эта безупречная демонстрация силы подействовала как ушат ледяной воды. Обезумевшая толпа застыла на месте, затаив дыхание. Во дворе и в зале управы мгновенно воцарилась мертвая тишина.

Хан Сизнь вальяжно откинулся на спинку резного кресла. Окинув ленивым взглядом побелевшего как полотно судью, он равнодушно обронил:

— Коль смерти не боишься, чего тогда раскудаhtался?